

УДК 821.161.1.09"18"

DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-1-73-78

МОТИВ «БЕСОВСТВА» И ОБРАЗЫ БЕСОВ В ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

М. В. Антонова, А. Р. Абашина

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Творчество Н. С. Лескова, в частности повесть «Очарованный странник», тесно связано с традициями русского устного творчества. Несмотря на то, что данное произведение глубоко и полно исследовано в отечественном литературоведении как с точки зрения воплощения темы «праведничества», так и в аспекте отражения фольклорной образной системы, ряд вопросов требует дополнительного осмысления. **Цель исследования** состоит в анализе изображения бесов в повести «Очарованный странник» Н. С. Лескова как персонажей русской низшей демонологии, а также интерпретации мотива «бесовства» в данном произведении. **Материалом исследования** является повесть Н. С. Лескова «Очарованный странник». **Методы исследования:** культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный. **Результаты исследования.** Мотив «бесовства» в повести «Очарованный странник» прослеживается на протяжении всего развития сюжетного действия. Не раз Флягин признается в том, что он как будто борется с нечистой силой, что его одолевают греховные стремления и мысли, что он совершает дурные поступки под влиянием беса. История с магнетизером также расценивается Флягиным как «наваждение», а сам магнетизер неоднократно сравнивается с бесом или чертом. Отчасти с мотивом «бесовства» соотносится и опыт актерства героя. В последней главе повести Флягин рассказывает повествователю о видениях и искушениях, которые он претерпевает от бесов, пребывая в монастыре. Герой повести «Очарованный странник» принужден бороться и с пакостями мелких бесенят, которые ему сильно докучали. **Заключение.** Иван Северьянович Флягин осмысляет многие эпизоды своего жизненного пути как противостояние бесовским искушениям, как борьбу с дьявольским наваждением. В образах бесов, мотиве «бесовства» в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» реализуются народные представления о нечистой силе, ее влиянии на жизнь и духовное состояние человека.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, повесть «Очарованный странник», фольклорная образная система, низшая демонология, мотив «бесовства», образы бесов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Антонова М. В., Абашина А. Р. Мотив «бесовства» и образы бесов в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 1. С. 73–78. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-73-78>

THE MOTIF OF “DEVILRY” AND IMAGES OF DEMONS IN N. S. LESKOV'S STORY “THE ENCHANTED WANDERER”

M. V. Antonova, A. R. Abashina

Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Abstract. Introduction. The work of N.S. Leskov, in particular the story “The Enchanted Wanderer”, is closely connected with the traditions of Russian oral art. Despite the fact that this work has been deeply and fully researched in Russian literary criticism both from the point of view of embodying the theme of “righteousness” and in terms of reflecting the folklore figurative system, a number of issues require additional reflection. **The purpose of the study** is to analyze the depiction of demons in the story “The Enchanted Wanderer” by N.S.Leskov, demons as characters of Russian lower demonology, as well as the interpretation of the motif of “demonic” in this work. **The research material** is N.S. Leskov’s novel “The Enchanted Wanderer”. **Research methods:** cultural-historical, comparative-comparative. **The results of the study.** The motive of “devilry” in the story “The Enchanted Wanderer” can be traced throughout the development of the plot action. More than once, Flyagin admits that he seems to be fighting evil spirits, that he is overcome by sinful aspirations and thoughts, that he commits bad deeds under the influence of a demon. The story of the magnetizer is also regarded by Flyagin as an “obsession”, and the magnetizer itself is repeatedly compared to a demon or a devil. Partly, the experience of the hero’s acting correlates with the motive of “devilry”. In the last chapter of the story, Flyagin

tells the narrator about the visions and temptations that he suffers from demons while staying in a monastery. The hero of the story “The Enchanted Wanderer” is forced to fight with the dirty tricks of small imps, which bothered him a lot. **Conclusion.** Ivan Severyanovich Flyagin interprets many episodes of his life as a confrontation with demonic temptations, as a struggle against the diabolical obsession. In the images of demons, the motif of “devilry” in N.S.Leskov’s story “The Enchanted Wanderer”, folk ideas about evil spirits, their influence on human life and spiritual state are realized.

Keywords: N. S. Leskov, the story “The Enchanted Wanderer”, folklore figurative system, lower demonology, the motif of “devilry”, images of demons

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Antonova M. V., Abashina A. R. The motif of “devilry” and images of demons in N. S. Leskov’s story “The Enchanted Wanderer”. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 73–78. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-73-78>

Введение

Творческое наследие Николая Семеновича Лескова тесно связано с темой народа, национального характера, народной жизни, писатель часто обращался к традициям устного русского поэтического творчества. Анализ повести «Очарованный странник», как правило, с одной стороны, был связан с рассмотрением темы «праведничества» (см., например монографии И. В. Столяровой [1], Е. В. Тюховой [2]), а с другой – с анализом взаимодействия лесковского «сказа» как манеры повествования с особенностями фольклорной поэтической речи (например, работы Б. С. Дыхановой [3], Е. В. Тюховой [2]). В то же время в ряде работ (А. А. Горелов [4], А. М. Ранчин [5, с. 413–443], Н. Г. Михайлова [6, с. 14–24], М. П. Чередникова¹ [7, с. 139–144]) проанализирована специфика образа Ивана Северьяновича Флягина в соотношении с русскими былинными богатырями, сюжетно-композиционные особенности повести в сравнении с фольклорными и агиографическими сюжетами. Г. А. Шкута в своем исследовании, кроме сюжета о праведничестве, юродстве и скоморошестве в мифопоэтической системе Н. С. Лескова, обращается к демонологическим мотивам в «Житии одной бабы», романах «На ножах», «Соборяне», а также к сюжету о договоре человека с дьяволом в повести «Очарованный странник»². «Очарованный странник» удостоился отдельного монографического исследования в ряде диссертационных

работ и обширных статей. Так, М. П. Чередникова исследовала поэтику повести Н. С. Лескова в соотношении с устным народным творчеством³. Д. В. Неустроев в своей диссертации провел комплексное исследование генезиса и поэтики «Очарованного странника»⁴. О. Майорова предложила реинтерпретацию повести Н. С. Лескова как произведения с амбивалентной семантикой и переосмысление эпического подтекста, связанного с образом былинного богатыря Ильи Муромца [8, с. 352–363]. А. М. Ранчин, поднимая вопрос о трансформации житийного кода в «Очарованном страннике», обращается и к образам бесов и теме «бесовства» в повести, правда, оставаясь в своих рассуждениях преимущественно в рамках заявленного агиографического кода [5, с. 413–443]. Тем не менее при достаточно обширной исследовательской литературе, посвященной в том числе фольклоризму повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», некоторые вопросы и проблемы требуют дополнительных изысканий. Это касается, например, темы «бесовства» и образов бесов в их соотношении с мифопоэтическими представлениями русского народа.

Цель исследования состоит в анализе изображения бесов в повести «Очарованный странник» Н. С. Лескова бесов как персонажей русской низшей демонологии, а также интерпретации мотива «бесовства» в данном произведении.

¹ Чередникова М. П. Поэтика повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» и устное народное творчество : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. 18 с.

² Шкута Г.А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С. Лескова: мифопоэтический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 26 с

³ Чередникова М. П. Поэтика повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» и устное народное творчество : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. 18 с.

⁴ Неустроев Д. В. «Очарованный странник» Н. С. Лескова: генезис и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 18 с.

Материал. Методы исследования

Материалом исследования является повесть Н. С. Лескова «Очарованный странник». Методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования

Энциклопедический словарь «Мифы народов мира» сообщает, что в религиозно-мифологических христианских представлениях бесы – это «духи зла, антагонисты троицы и ангелов, слуги, воины и шпионы дьявола»¹, они сеют дурные мысли, болезни, в том числе душевные расстройства, скверну, порчу, строят козни против праведных людей. Особую ненависть бесы испытывают к монахам, аскетам, пустынножителям. Бесы могут быть невидимыми, но могут и являться людям, надевая фальшивые маски, в облике ангела и даже Иисуса Христа, реальных людей, особенно женщин, гротескных подобиях животных. Бесы могут проникать в мысли человека, подталкивая его к дурным поступкам. Бесы вредят людям, пытаются помешать, запутать. Неслучайно в русском языке существуют поговорки: «бес попутал», «бес вселился». «Довольно часто можно услышать истории про подселение в тело человека таких существ, и тогда она не дает хозяину ни есть ни пить, а заставляет кричать разными голосами: по лягушачьи, по петушиному, по собачьи»^{2,3}.

Мотив «бесовства» в повести «Очарованный странник» прослеживается на протяжении всего развития сюжетного действия. Не раз Флягин признается в том, что он как будто борется с нечистой силой, что его одолевают греховные стремления и мысли, что он совершает дурные поступки под влиянием беса.

Так, Иван Северьянович умирляет коня, который «ничего больше, как бесом одержим (с. 392)»⁴.

¹ Бесы // Мифы народов мира : Энциклопедия. Электронное издание / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008. С. 140–141. URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n139/mode/2up (дата обращения: 25.01.2024).

² Бесы // Славянская мифология. URL: <http://slav.dtn.ru/besy.php> (дата обращения: 25.01.2024)

³ Черт // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Международные отношения, 2002. С. 484–485.

⁴ Здесь и далее ссылки на текст повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» даются в тексте в круглых скобках с указанием страницы по следующему изданию: Лесков Н. С. Очарованный странник // Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 томах. М. : ГИХЛ, 1957. Т. 4. С. 385–514.

В 11 главе герой, терзаемый страхами, что у него могут украсть деньги, приходит к мысли о том, что это дьявольское наваждение: «И вдруг мне пришла божественная мысль: ведь это, мол, меня бес томит этой страстью, пойду же я его, мерзавца, от себя святыней отгоню!» (с. 456). Только молитва помогает ему преодолеть искушение. История с магнетизером также расценивается Флягиным как «наваждение», а сам магнетизер неоднократно сравнивается с бесом или чертом: «А он вдруг, словно бес какой, прямо у меня перед глазами вырастает» (с. 464), «Ну, послушай ты, кто ты такой ни есть: черт, или дьявол, или мелкий бес, а только, сделай милость, или разбуди меня, или рассыпья» (с. 466). По представлениям Ивана Северьяновича в него самого вселяется «пьяный бес», которого магнетизер обещает изгнать, но вместо него подселает «блудного беса»: «...думал, что я, по всегдашнему своему обыкновению, на конике сплю, а я, верно, придя от цыган, прямо на пол лег, да все и ползал, края искал, а потом стал прыгать... и допрыгал до горки. Блуждал, потому этот... магнетизер, он пьяного беса от меня свел, а блудного при мне поставил...» (с. 475).

Все эти мытарства героя, его испытания, борения с бесами и искушениями вполне соотносятся с народными представлениями о нечистой силе. Отчасти с мотивом «бесовства» соотносится и опыт актерства героя. Флягин рассказывает, что он «роли представлял» в балагане на Адмиралтейской площади. Этот род деятельности ему не понравился в том числе и потому, что пришлось представлять слишком трудную роль – демона: «...в двух переменах танцевать надо и кувыркатся, а кувыркнувшись страсть неспособно, потому что весь обшит лохматой шкурой седого козла вверх шерстью, и хвост долгий на проволоке, но он постоянно промеж ног путается, а рога на голове за что попало цепляются, а годы уже стали не прежние, не молодые, и легкости нет; а потом еще во все продолжение представления расписано меня бить. Ужасно как это докучает» (с. 503). И хотя рассказчик в основном сетует на физические неудобства, «бесовство», очевидно, претит ему по сути, поскольку провоцирует к бесчинствам: «Принца одного я за вихор подрал» (с. 503). Конечно, коллежский секретарь, который представлял принца, «насмешник злой был и выдумщик и все над всеми шуточки выдумывал» (с. 503), обижал Флягина, молоденькую девочку, представлявшую Фортуну. «Оттрепал»

«принца» Иван Северьянович, как он сам признается, потому что ему стало жалко бедную актрису, но он был изгнан из труппы, так как в отсутствие свидетелей все посчитали, что герой был забиякой и обидчиком.

В последней главе повести Флягин рассказывает повествователю о видениях и искушениях, которые он претерпевает от бесов, пребывая в монастыре. Сначала, по словам героя, его пытался соблазнить «ангел сатанин», от которого Иван Северьянович претерпел многие мучительства, но сумел его одолеть. Именно этого «большого беса» герой описывает в начале 19 главы: «Я бежал оттоль, с того места, сам себя не понимая, а помню только, что за мною все будто кто-то гнался, ужасно какой большой и длинный, и бесстыжий, обнагощенный, а тело все черное и голова малая, как луновочка, а сам весь обростенький, в волосах, и я догадался, что это если не Каин, то сам губитель-бес, и все я от него убегал и звал к себе ангела-хранителя» (с. 498).

«Большой бес» являлся ему в облике Груши, что вполне соответствует агиографическому канону и народным представлениям: «...Груша столь живо является, что вот словно ею одною вокруг меня весь воздух дышит» (с. 506). По совету старца, которому открылся Флягин, герой боролся с бесом при помощи молитвы и поста: «и все одним измом его, врага этакого, брал, потому что он другого ничего не боится: вначале я и до тысячи поклонов ударял и дня по четыре ничего не вкушал и воды не пил, а потом он понял, что ему со мною спорить не ровно, и оробел, и слаб стал: чуть увидит, что я горшочек пищи своей за окно выброшу и берусь за четки, чтобы поклоны считать, он уже понимает, что я не шучу и опять простираюсь на подвиг, и убежит» (с. 506–507). По словам Ивана Северьяновича, нечистый перестал ему являться в женском обличье, ослаб и, хотя и не оставил попыток соблазнить героя, принимал другой вид. Описание внешности беса в этом эпизоде нет, но подчеркивается, что он ведет себя как слабый и маленький поросенок: «В соблазнительном женском образе никогда-с больше не приходит, а если порою еще иногда покажется где-нибудь в уголке в келье, но уже в самом жалостном виде: визжит, как будто поросенок издыхает. Я его, негодяя, теперь даже и не мучу, а только раз переkreщу и положу поклон, он и перестанет хрюкать» (с. 507).

Данный эпизод отсылает нас к легендарной устно-поэтической традиции, зафиксированной в

древнерусских житийных повестях. Так, в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим на бесе» святой побеждает нечистого, который плещется в рукомойнике и мешает ему творить молитву, при помощи крестного знамения. Крест, по свидетельству агиографов, отражающих народные представления, мучителен для бесов, он их жжет и заставляет корчиться от боли. Именно такое действие крестного знамения описывается в переводном «Житии Нифонта Константинопольского» и в легендарной повести об Иоанне Новгородском. Кроме того, в рассказе о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим черт, желая ослабить святого в глазах окружающих, принимает образ женщины, которая выходит из кельи преподобного или выглядывает из окна. В житии Иоанна Новгородского использован мировой сюжет о «запечатанном бесе», этот же сюжет в повести Лескова «Очарованный странник» имеет своеобразное воплощение. «Большой бес», с которым борется Флягин, не заключен в сосуд и не запечатан крестным знамением, но он побежден крестом, покорен праведником и может только «визжать», как издыхающий поросенок.

Герой повести «Очарованный странник» принужден бороться и с «пакостями» мелких бесенят, которые ему «больше этого надокучили» (с. 507). В соответствии с народными представлениями «бесенята» похожи на балующихся малых ребятшек: «Да ведь ребяткишки, и притом их там, в аду, очень много, а дела им при готовых харчах никакого нет, вот они и просят на землю поучиться смущать, и балуются, и чем человек хочет быть в своем звании солиднее, тем они ему больше досаждают» (с. 507). Это описание заставляет вспомнить русские народные сказки, в которых в качестве персонажей могут присутствовать старший или главный черт и маленькие чертенята, которые выполняют мелкие поручения и пакости.

В книге С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» сообщается: «Для облегчения своей деятельности во всех ее направлениях дьявольская сила одарена способностью превращений, то есть черти могут совершенно произвольно сменять свою подозрительную и страшную бесовскую шкурку, принимая личину, сходную с людской и вообще принимая формы, более знакомые и привычные для человеческого глаза» [9, с. 10–11]. Бесы могут «перевертываться» в черную собаку или кошку, великана, пьяного человека, свинью, собаку, лошадь, змею, волка, лягушку и пр.,

а также в разнообразные неодушевленные предметы. С примером обращения побежденного беса в поросенка мы уже встретились в описании борьбы с Флягина с «ангелом сатаны».

Мелкие бесенята уподобляются в представлении героя шкодливым детям. Сильно навредить они не могут, но способны человека «смутить», отчего и получают радость и удовольствие: «Подставят, например, вам что-нибудь такое или подсунут, а опрокинешь или расшибешь и кого-нибудь тем смутишь и разгневаешь, а им это первое удовольствие, весело: в ладоши хлопают и бежат к своему старшому: дескать, и мы смутили, дай нам теперь за то грошик. Ведь вот из чего бьются... Дети» (с. 507). Как видим Иван Северьянович даже не испытывает никакого негодования по поводу пакостей «бесенят», он несколько снисходительно характеризует их шалости, что, впрочем, не исключает стремления героя отвадить чертенят от дверей конюшни, где он спит.

Как шутку «бесенят» Флягин расценивает историю, когда к нему по ночам начинает являться жид, удававшийся в лесу около монастыря. Можно предположить, что таким образом здесь реализуется мотив оборотничества («перевертывания») беса, который принимает вид самоубийцы, к тому же иноверца. Не справившись с шутками чертенят при помощи крестного знамения и заклятия, Иван Северьянович придумывает остроумный способ: устанавливает в конюшне церковную дверь, «на коей Петр апостол написан, и в руке у него ключи от царства небесного» (с. 509). Однако пакостники-бесенята «подставляют» герою монастырскую корову, которая спокойно вошла в дверь с божественной картиною и которую Флягин по ошибке зарубил топором. Интересно, что, по сведениям С. В. Максимова,

«не всегда, например, решаются черти представляться коровой, самым дорогим и полезным домашним животным, да подобному перевертышу и самая глупая баба не поверит» [9, с. 12].

К проказам бесенят, с которыми борется Иван Северьянович, относится и эпизод со свечками, которые он роняет, рассыпает, не может приклеить к аналою: «Я только головой качнул, ну, думаю, это опять непременно мне пострелята досаждают и из рук рвут» (с. 510). Если «большой бес» Флягиным побежден и смирен, то мелкие бесенята временно добиваются успеха, их искушения и пакости достигают цели, и герой совершает дурные поступки: он убивает бессловесное и полезное домашнее животное, проявляет гнев и разбрасывает свечи в церкви, за что его заключают в монастырский погреб. Впрочем, все эти несчастья и неприятности, учиненные бесами по отношению в Флягину, приводят в конечном итоге к просветлению его духа: «И тут-то исполнилось мое прошение, и стал я вдруг понимать, что сблизается реченное: “егда рекут мир, нападает внезапно всегубительство”, и я исполнился страха за народ свой русский и начал молиться и всех других, кто ко мне к яме придет, стал со слезами увещевать, молитесь, мол, о покорении под нозе царя нашего всякого врага и супостата, ибо близ есть нам всегубительство» (с. 511).

Заключение

Таким образом, Иван Северьянович Флягин осмысляет многие эпизоды своего жизненного пути как противостояние бесовским искушениям, как борьбу с дьявольским наваждением. В образах бесов, мотиве «бесовства» в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» реализуются народные представления о нечистой силе, ее влиянии на жизнь и духовное состояние человека.

1. Столярова И. В. В поисках идеала: Творчество Н. С. Лескова. Л., 1978. 233 с.

2. Тюхова Е. В. О психологизме Н. С. Лескова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1993. 106 с.

3. Дыханова Б. С. «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова. М. : Худож. лит., 1980. 174 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22252830> (дата обращения: 25.01.2024).

4. Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л. : Наука : Ленингр. отд., 1988. 294 с.

5. Ранчин А. М. Трансформации агиографического кода в «Очарованном страннике» и принцип амбивалентности в поэтике Н. С. Лескова // *Slověne*. 2017. Т. 6. № 2. С. 413–443. DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2017.6.2.17>

6. Михайлова Н. Г. Жанры Н. С. Лескова и устно-прозаические формы народного творчества // *Филологические науки*. 1975. № 6. С. 14–24.

7. Черденникова М. П. Об одном фольклорном мотиве в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» // *Русская литература*. 1973. № 3. С. 139–144.

8. Майорова О. Опыт реинтерпретации «Очарованного странника» Н. С. Лескова // *Русско-французский разговорник, или / ou Les causeries du 7 septembre : сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной*. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 352–363.

9. Нечистая, неведомая и крестная сила: Сочинение С. В. Максимова. СПб. : т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2024 г.; принята к публикации 14.03.2024 г.

Об авторах

Антонова Мария Владимировна

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы XI–XIX вв., Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (302026, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-2630>, gavrila05@yandex.ru

Абашина Александра Романовна

аспирант кафедры истории русской литературы XI–XIX вв., Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (302026, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6841-8846>, asya.klishina@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Stolyarova I. V. V poiskakh ideala: Tvorchestvo N. S. Leskova [In search of the ideal: The work of N. S. Leskov]. L., 1978, 233 p. (In Russ.).
2. Tyukhova E. V. O psikhologizme N. S. Leskova. [About N. S. Leskov's psychologism]. Saratov, Publ. house of Saratov University, 1993, 106 p. (In Russ.).
3. Dykhanova B. S. "Zapechatlennyi angel" i "Ocharovannyi strannik" N. S. Leskova ["The Imprinted Angel" and "The Enchanted Wanderer" by N. S. Leskov]. M., Fiction Publ., 1980, 174 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22252830> (accessed 25.01.2024). (In Russ.).
4. Gorelov A. A. N. S. Leskov i narodnaya kul'tura [N. S. Leskov and folk culture]. L., Science Publ.: Leningrad department, 1988, 294 p. (In Russ.).
5. Ranchin A. M. Transformatsii agiograficheskogo koda v "Ocharovannom strannike" i printsip ambivalentnosti v poetike N. S. Leskova [Transformations of the hagiographic code in *The Enchanted Wanderer* and the principle of ambivalence in the poetics of Nikolai Leskov]. *Slovĕne*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 413–443. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2017.6.2.17>
6. Mikhailova N. G. Zhanry N. S. Leskova i ustno-prozaicheskie formy narodnogo tvorchestva [Genres of N. S. Leskov and oral prose forms of folk art]. *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences, 1975, no. 6, pp. 14–24. (In Russ.).
7. Cherednikova M. P. Ob odnom fol'klornom motive v povesti N. S. Leskova "Ocharovannyi strannik" [About one folklore motif in N. S. Leskov's story "The Enchanted Wanderer"]. *Russkaya literatura* = Russian Literature, 1973, no. 3, pp. 139–144. (In Russ.).
8. Mayorova O. Opyt reinterpretatsii «Ocharovannogo strannika» N. S. Leskova [The experience of reinterpretation of "The Enchanted Wanderer" by N. S. Leskov]. *Russko-frantsuzskii razgovornik, ili / ou Les causeries du 7 septembre: sbornik statei v chest' Very Arkad'evny Mil'chinoi* = Russian-French phrasebook, or / ou Les causeries du 7 septembre: collection of articles in honor of Vera Arkadyevna Milchina, M., New Literary Review Publ., 2015, pp. 352–363. (In Russ.).
9. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila: Sochinenie S. V. Maksimova [Evil, unknown and godly force: The work of S. V. Maksimov]. SPb., Partnership of R. Golike and A. Wilborg Publ., 1903, 526 p. (In Russ.).

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 14.03.2024.

About the authors

Maria V. Antonova

Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of History of Russian Literature of the 11th–19th centuries, Orel State University named after I. S. Turgenev (95 Komsomolskaya St., Orel 302026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-2630>, gavrila05@yandex.ru

Aleksandra R. Abashina

Postgraduate student of the Department of History of Russian Literature of the 11th–19th centuries, Orel State University named after I. S. Turgenev (95 Komsomolskaya St., Orel 302026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6841-8846>, asya.klishina@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript